

Рукопись этой книги была отобрана
для публикации в рамках III сезона
литературного конкурса
издательства «Белая ворона»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
БЕЛОЙ ВОРОНЫ

Дмитрий Сиротин

ТЫ ПРОСТО ВЫЙДИ

Повесть

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2024

ББК 84(2Рос=Рус)-44

УДК 82-3

С40

Сиротин, Дмитрий

С40

Ты просто выйди / Дмитрий Сиротин. – М. :

Белая ворона, 2024, 144 с.

ISBN 978-5-00114-418-2

© Д. Сиротин, текст, 2023

© А. Теняева, оформление обложки, 2023

© ООО «Издательство Альбус корвус», 2024

Оглавление

Глава 1.....	7
Глава 2.....	10
Глава 3.....	15
Глава 4.....	24
Глава 5.....	30
Глава 6.....	35
Глава 7.....	41
Глава 8.....	48
Глава 9.....	57
Глава 10.....	67
Глава 11.....	72
Глава 12.....	82
Глава 13.....	89
Глава 14.....	97
Глава 15.....	102
Глава 16.....	109
Глава 17.....	114
Глава 18.....	120
Глава 19.....	127
Глава 20.....	132
Глава 21.....	136

Бабочки летают вокруг лампы. За окном темно, а наша лампа горит. Вот они и летят прямо на ее свет. Кружатся туда-сюда, как будто танцуют. Мы с мамой смотрим на бабочек.

Мама тихо говорит:

– Теплая ночь...

Да, ночь теплая, и мне тепло, и маме тоже.

Мы с мамой смотрим на бабочек вокруг лампы. Каждый вечер смотрим.

А еще мы смотрим на поезда.

Наш дом рядом со станцией. Когда засыпаешь, слышно, как грохочут поезда и как голос в громкоговоритель все время предупреждает: «Будьте осторожны, по первому пути...» или, например: «Внимание! По второму пути...» и совсем редко: «Будьте осторожны: на первый путь прибывает поезд номер...» И так всю ночь. Днем, конечно, тоже голос, но днем я в школе, а мама на работе. Зато всю ночь потом слышны и грохот поездов, и таинственный голос.

Я иногда думаю: как выглядит эта женщина? Которая объявляет о поездах. Молодая или не очень? И какой у нее характер? И есть ли дети? И как она с ними общается? Представляю: приходит домой, и – с порога, по

привычке «Будьте внимательны и осторожны! В квартиру прибыла мама номер один!»

Мы с мамой смотрим на поезда по выходным.

Стоим и обсуждаем:

— Ого, какой длинный! Ну да, товарный, товаров много, вот и длиннющий...

— Ух ты, пассажирский! Какой там дядька в окне смешной, видишь, да вон, вон!

Поезда почти никогда не останавливаются на нашей станции, проезжают мимо. Редко-редко бывает, что останавливаются, да и то на одну-две минуты. Это называется «техническая остановка». И люди тут редко выходят из поезда: боятся, что он без них уедет.

Иногда выскочит какой-нибудь дяденька, постоит, подрожит, если зима, или понежится на солнце, если лето, сплюнет зачем-то — и опять в вагон.

Или мама с детьми. Тоже выйдут, поглазуют с полминуты и скорей обратно.

А однажды я увидел девочку. Она вышла из вагона и стояла смотрела на нас с мамой. А мы смотрели на нее. Особенно я. И мне вдруг стало так грустно-грустно, что через полминуты она вернется в вагон, и поезд уедет, и я никогда больше ее не увижу. И мне вдруг страшно — прямо стянуло все внутри! — захотелось подбежать к ней.

Но что бы я ей сказал? Зачем подбежал бы? Глупо.

И девочка все смотрела на нас, а мы на нее.

У нее были короткие черные волосы, и глаза тоже черные. И вся она была такая красивая, и как будто с другой планеты. Не знаю, как объяснить... Вот как будто живешь-живешь, и всех вокруг знаешь, и тебя все знают,

а тут что-то совсем незнакомое, притягивающее и пугающее одновременно. Но больше все-таки притягивающее. И щемит в груди, потому что сейчас уедет, вот сейчас...

И конечно, пока я думал, голос прогудел в микрофон: «Будьте осторожны: от первого пути отходит поезд номер...» И девочка засунула руки в карманы синей куртки (была осень) и стала медленно подниматься в вагон. И даже со спины она была вся такая красивая и изящная.

Поезд тронулся, а я все стоял и смотрел ему вслед, и мама сказала:

— Ты чего застыл? Пойдем, а то я замерзла уже... Пойдем чай пить.

Мы пили чай с шоколадным сыром, и я все думал про девочку в синей куртке. С черными волосами и глазами. И было так грустно, что никогда ее больше не увижу и не найду, даже если бы захотел. Вот говорят: «Сейчас, в век интернета, всех можно найти!» А вот не всех. Как найти мою девочку? Я ни имени ее не знаю, ни фамилии, ни из какого она города ехала, ни в какой... Так что не всех можно найти. Да. Не всех. И это печально.

2

А еще у нас с мамой живет собака. Ее зовут Лайк.

Я гуляю с Лайком, он носится, лает на поезда... Глупый. Большой, белый и глупый. Я его обожаю. Вот правда — настоящий друг человека! Как ластится, когда после школы прихожу! Прямо — шлеп лапами на грудь! И стоит, язык высунул, и дышит. Радует-ся, значит.

Мне вообще редко кто радуется. Ну, мама, конечно. Но она ведь и должна мне радоваться. Она же мама. Хотя мамы разные бывают, это да... Вот у Вити Свешникова мама все время на него кричит. И все время им недовольна. То что поздно из школы пришел, то — что рано. То двойку получит, то еще чего... Прямо не угодишь ей. Витя однажды мне сказал по секрету:

— Я из дома решил уйти.

— Куда? — спрашиваю.

— К отцу.

— Так ты говорил, он далеко живет...

— Ну и что? Я уеду, не могу я с ней больше. Чего она орет и орет? Тем более живем прямо у станции. Сел в поезд да поехал...

— Да у нас же и поезда почти никогда не останавливаются!

— Ну и что? А я приду на станцию, вещи соберу и приду, сяду и буду сидеть. И ждать, когда хоть какой-нибудь поезд остановится. И сразу в него запрыгну тогда и уеду к отцу.

— А билет на какие деньги купишь? — спрашиваю.

Витя хмурится недовольно:

— Найду где-нибудь. Буду вон картошку пассажирам продавать. Бабки продают, а я чем хуже?

— У бабок, говорят, своя мафия тут. Они чужака не пустят продавать.

— Ладно! — снова хмурится Витя. — Тогда буду на гитаре песни петь, пассажиры мне накидают денег, и уеду.

— Песни петь тоже так просто не пустят, — говорю. — Там тоже своя мафия.

— Да что ж такое! — злится Витя. — Везде мафия! Ты-то откуда знаешь?

— Мама говорила.

— Мама... — вздыхает Витя. — Твоя хоть разговаривает с тобой, а моя только и знает, что орать. Особенно вот это: «Родила на свою голову!» Как будто я просил меня рожать. Да если б я знал, что она такая, я бы в жизни у нее не родился. Родился бы только у отца. Он добрый.

— А откуда ты знаешь, что добрый? Ты ж его никогда не видел.

— Ну, мама про него всегда плохо говорит, я и думаю: значит, хороший человек. Если она на кого ругается — значит, точно хороший. Я это опытным путем уже выяснил... Да и на фотках он очень добрый. Такое лицо прямо... как это сказать... светлое.

— Ну смотри сам, — говорю. — Но школу-то надо окончить!

— У отца окончу.

— А как ты его найдешь вообще? Ты же адреса не знаешь.

— Я в интернете давно уже отца нашел. Вчера решил написать наконец. Как ответит, адрес скажет — сразу и поеду! А мать пусть одна тут, раз я ее только раздражаю...

Жалко Витю Свешникова. У меня вот папа умер, я еще маленький совсем был, и не помню его, но мама всегда про него только хорошее рассказывает. И даже плачет иногда о нем, по праздникам особенно. Особенно когда день рожденья у меня.

— Эх, папа бы тобой сейчас так гордился...

А чего мной гордиться? Не понимаю, если честно. Я так себе человек. И учусь неважно, и необщительный: один друг у меня, Витя Свешников, и то он скоро к отцу уедет...

В школе почти ни с кем не разговариваю... Только дома — с мамой и с Лайком.

Вот сейчас гуляю с ним, смотрю на пролетающие туда-сюда поезда, слушаю голос из громкоговорителя и думаю... Думаю, что все-таки повезло мне. Хоть папа и умер, зато мама добрая, не то что у Вити. И живем мы хоть и небогато, но все-таки неплохо. Дружно.

И Лайк у меня есть. Такая добрая собака, просто ужас. Как начнет лицо лизать, так потом час от слюней отмываешься... И на папу я тоже смотрю на фото, он такой добрый и улыбается, и мама такая счастливая. А теперь она часто грустная. Что зарплату все урезают, а начальство все лютует. Мама в магазине работает, у станции,

товароведом. Сейчас с товарами проблемы, и очень тяжело ими ведать стало... А начальству все равно. Орет и требует ведать, и сразу грозит уволить в случае чего... Если недостача там и прочее...

Мама нервничает, болеет, сердце у нее... И еще расстраивается, что я неважно учусь, и поэтому непонятно, куда меня после школы девать. С моими, мягко говоря, небольшими способностями к точным наукам. Да и к неточным, если честно, тоже... Эх.

Но сейчас вечер, и красиво, и на станции горят фонари на столбах, и белая луна в черном небе такая большая и круглая, Лайк на нее лает, думает, наверное, что это булка... Вот же глупый пес!

Я гуляю с Лайком, смотрю на поезда и как светятся в них окна. Промелькивают с грохотом мимо — и горят. А в окнах — люди, разные, молодые и не очень, добрые и злые, умные и нет, столько людей, и все куда-то едут... И девочка, та, что вышла тогда в синей куртке на перрон постоять и посмотреть на нас с мамой... Посмотреть без всякого интереса, наверное... Просто, наверное, смотрела и думала: вот и тут живут какие-то люди. Надо же. Как они тут вообще живут, в такой глуши? Никаких развлечений, наверное, никаких вообще радостей жизни. Так, утро-вечер-день-ночь... Грохот поездов под окнами, и всё.

Но почему? У нас тоже жить можно! Когда мама есть, и Лайк, и когда вот такая девочка на полминуты появляется — можно потом долго-долго про нее думать...

В общем, я решил ее нарисовать. Просто для себя. Я понял, что должен как-то ее увековечить. Иначе меня

просто разорвет. Стихи писать — как-то глупо, да и не умею... Я, правда, и рисовать совершенно не умею. Вот просто абсолютно! И удивляюсь, как это у других получается. Витя Свешников, кстати, неплохо рисует. Но он все больше монстров... Да и вообще, как-то неловко к нему обращаться с просьбой, чтобы он мне незнакомую девочку помог нарисовать. Да и до девочек ли ему? Человек не сегодня завтра из дома сбежит к черту на кулички...

Решил нарисовать сам.

Привел Лайка домой, он лег на коврик, белую голову на лапы положил... Отдыхает. Типа устал. Было бы от чего! Весь день то спит, то носится...

Я взял альбом, ручку и стал аккуратно рисовать голову той девочки, ну, точнее — лицо. Оно все стояло у меня перед глазами, и мне даже казалось, что выходит чуть-чуть похоже...

Но тут пришла с работы мама, посмотрела на мой рисунок и спрашивает:

— Сыночек, ты арбуз рисуешь? Проголодался, бедный? Ничего, будут в августе арбузы...

Тьфу ты! Ну какой арбуз?! Меня аж скривило от возмущения. Где арбуз, а где моя прекрасная незнакомка? Со всем два разных предмета!

Мама ушла на кухню, а я стал смотреть на свой рисунок. Смотрел-смотрел — и понял: действительно арбуз какой-то. Только с глазами. Ну почему я такой ни к чему не способный?

А потом начались каникулы. И к маме приехала в гости тетя Женя. Они с ней вместе в школе учились. Только тетя Женя замуж удачно вышла и в Москву уехала. Мама, конечно, тоже удачно вышла замуж, просто папа умер рано... А так, может, мы тоже сейчас в Москве были бы. Мама говорит, папу собирались повышать и в Москву переводить... Но к сожалению, не успели...

А у тети Жени муж какой-то большой начальник. Мы с мамой все время забываем какой. Но всегда перед приездом тети Жени мы, пока с мамой убираемся, пылесосим там и пыль вытираем — она говорит:

— Сейчас приедет Женька, опять своим мужем хвастаться будет.

И я, когда совсем мелкий был и первый раз она к нам приехала, так и встретил ее:

— Здравствуйте, тетя Женя! Вы приехали мужем хвастаться? Мама меня потом чуть не убила.

Но тетя Женя все поняла и не обиделась. Все-таки они с мамой подруги. Так и сказала:

— Да ладно, Верочка, все хорошо. Мне действительно есть чем хвастаться так-то...

И мама вроде улыбнулась на это, но я видел, что ей грустно. Ну да, ей-то нечем хвастаться. Муж умер...

Какая-то, в общем, тетя Женья немножко или бестактная, или неумная. Но подруга есть подруга. Не выгонишь (как мне потом мама сказала, когда тетя Женья ушла).

Но ко мне тетя Женья относится хорошо. Всякие вкусности дарит. И по голове гладит. Я, конечно, не сильно люблю, когда гладят, что я, кот, что ли... Но тетя Женья как-то по-особенному это делает. Как-то так очень приятно. Немного ногти так запускает в голову, чуть-чуть, и ногтями царапает... Прямо так приятно, ужас! Я ее, когда в первый раз еще приехала, спросил:

— Тетя Женья, ты что, массажница?

Она удивилась:

— Кто?

— Ну, массажница... Или как это... массажерка...

Тетя Женья как давай хохотать!

А потом говорит:

— Правильно надо говорить: массажистка.

— Ну да, — говорю. — Ты массажистка?

— Нет. — Тетя Женья улыбается. — Я — училка, представляешь?

В общем, да, она оказалась учительницей. Потому и приезжала в гости обычно во время каникул. Весной, например. Ну и на Новый год почему-то. Хотя Новый год вроде семейный праздник... Но тетя Женья говорит: муж сам ее к нам отправляет. Мол, раз мама ее лучшая подруга и раз такая традиция, что с детства они вместе Новый год встречали, — пусть так и будет. Тем более муж и в Новый год работает без продыха, и не до отлучений ему... Так и повелось: отпразднует тетя Женья у нас, поживет недельку, а потом — обратно в Москву,

и там уж с мужем да с сыном старый Новый год встречают вместе.

На Новый год они с мамой сидели до полуночи, потом слушали бой курантов по телику, а потом дальше сидели, чуть не до утра. Меня отправляли спать, а сами болтали громко, так, что не уснуть при всем желании. Да еще и салюты за окном бабахали...

А болтали они про то, как учились в школе. Воспоминания там всякие...

Тетя Женья, например, говорила:

— Эх, Верочка, ты же первой красавицей у нас была!

— Вот именно: была... — вздыхала мама.

— Ну, я — образно! — уточняла тетя Женья. — Ты и сейчас красавица. Просто за тобой все бегали же. Даже Чесноков.

— Да за Чесноковым сами все бегали, зачем бы я ему... — неуверенно возражала мама, но по голосу чувствовалось, что ей лестно, что — даже Чесноков.

— Я тебе в последнем классе уже даже завидовала, если честно, — признавалась тетя Женья. — Думала: поссорюсь с тобой специально из-за чего-нибудь, лишь бы больше не дружить!

— Ну, в итоге — видишь, как тебе повезло. А мне... — снова вздыхала мама.

— Это да! — радостно соглашалась тетя Женья, и тут же испуганно уточняла: — Ну, я — образно! А так-то, конечно, ты заслуживаешь счастья, и оно обязательно еще будет, вот поверь!

Мама в ответ молчала.

Потом всхлипывала.

Потом тетя Женья скороговоркой ее утешала:

— Верка, да ладно тебе, да что ты, да ладно, ну, ей-богу, Новый год, а мы тут реветь, что ли, будем... Да гори оно все! Давай — нашу...

Дальше, под грохот салютов за окном, мама с тетей Женей нестройным дуэтом начинали петь:

Наша славная шко-о-ола,
Наша тридцать втора-а-я!
Мы сего-одня уxo-о-дим,
Навсегда покида-ая

Эти классы и парты
И родных педагогов...
Наша тридцать втора-ая,
Как дала ты нам мно-ого!

Мы одна-ажды верне-емся...

Тут мама начинала плакать прямо навзрыд. И тетя Женя тоже. И так они плакали довольно долго, а я не спал у себя в комнате, слушал салюты и их плач, и мне было очень жалко маму. Ну и тетю Женю тоже немного жалко, ладно уж. Тем более, отплакав, тетя Женя однажды сказала:

— Вот вы на меня злитесь, что хвастаюсь мужем. А я, может, и хвастаюсь, только чтобы не заплакать. Потому что на самом деле... на самом деле... Эх!

И из этого «эх!» стало понятно, что не все так хорошо у тети Жени с мужем. Да и вообще, раз он начальник, тем более крупный, разве он может быть

хорошим? Мне вот кажется, все начальники плохие. Потому что хороший человек не будет стремиться другими командовать...

В общем, ладно, пусть и дальше приезжает тетя Женя, думал я тогда, в тот Новый год. Когда они там с мамой все пели и плакали... Пусть приезжает. Лишь бы гладила.

И вот в эти каникулы тетя Женя опять приехала. Приехала — легла сразу на диван у нас в комнате и говорит:

— Верочка... Наконец-то я могу полежать... Без шума, без школы... Как же меня все достало... И Леха совсем от рук отбился... Ох.

Леха — это ее сын. Она нам всегда и его фотки показывает, когда хвастается. А теперь, получается, от рук он отбился. Это печально.

Тетя Женя лежала, закрыв глаза, а я все думал, как так подползти к тете Жене, чтобы она меня погладила ногтями. Но было неловко. Во-первых, она вон какая уставшая приехала, а во-вторых — что-то я как-то вырос за этот год. Как-то уже неудобно ластиться... Что я, Лайк, что ли? Вот ему все равно, что он — здоровенная немолодая псина. Всегда готов лицо тебе облизнуть. Но я-то не собака. Но очень хочется. Как быть?

И, пока я раздумывал над этой проблемой, тетя Женя открыла глаза и крикнула маме на кухню:

— Вер, а Вер!

— Да-да? — откликнулась мама.

— Ох, нет сил орать. В школе наоралась... Давай, приходишь в комнату, скажу... — слабо ответила тетя Женя и снова закрыла глаза.

И, когда мама вернулась в комнату, тетя Женя ей сказала. Что предлагает забрать меня на каникулы. К себе пожить. А что? Квартира большая, плюс «пусть мальчик Москву посмотрит, а заодно ты отдохнешь от него».

— Да я от него не устала... — неуверенно сказала мама.

— Ну, я — образно... — отозвалась тетя Женя.

Эх. Мама у меня добрая, но я-то знаю, что устала. Не то чтобы прямо только от меня, а вообще от жизни. И сердце слабое же... Ей все время отдыхать необходимо. А какой тут отдых? Дом, работа, я...

Но мне совсем не хотелось никуда ехать. Да еще к тете Жене. К какому-то Леше... Тем более я с людьми очень плохо общий язык нахожу... И к мужу ее опять же... Зачем мне это все? А тете Жене-то это зачем?

Мама так ее и спросила:

— Да зачем он тебе там, Жень?

— Так я ж говорю: Москву посмотрит. Он же не был ни разу?

— Нет...

— Тем более! Заодно с Лешкой моим подружится — может, как-то положительно на него повлияет. Вот он у тебя какой положительный.

Чего это я положительный? Нет, ну не отрицательный, конечно... Но и не прям положительный! Положительный — это когда учишься хорошо, когда весь такой из себя культурный... Я разве что тихий. Потому что стеснительный и необщительный. Если быть стеснительным — это значит быть положительным, тогда еще ладно...

Но Леха этот ее... Ну что я с ним буду делать? Мне нужен друг такой же тихий, как я. Вот Витя Свешников, например. А Леха этот, раз от рук отбился, — небось,

шумный. Тем более — москвич! Будет на меня свысока еще глядеть... Оно мне надо?

И я все ждал, когда они наконец спросят мое мнение, но меня как будто бы не было в комнате. Прямо не замечали — и всё! Я тогда стал делать вид, что мне тоже до их разговора никакого дела нет, и вообще я занят, а они ко мне с ерундой лезут.

И стал перебирать свои тетради с очень деловым видом, перекладывая разные листки туда-сюда... И вдруг увидел свой рисунок той девочки, которая тогда на перроне стояла. Увидел — и застыл. Вообще обо всем забыл. Так резко прямо толкнулось в сердце воспоминание...

Держал рисунок, смотрел и молчал как дурак.

А тетя Женя увидела рисунок и говорит:

— Видишь, Вера, он у тебя еще и художник. Какого симпатичного Колобка нарисовал!

Час от часу не легче! То арбуз, то Колобок! Да совсем ведь не похоже! Вроде умные женщины, а совсем не разбираются в живописи! В общем, я обиделся на тетю Женю и решил, что точно никуда не поеду.

А потом, поздно вечером, когда тетя Женя спала, мы с мамой поговорили.

— Надо бы тебе съездить все-таки.

— Да зачем? Я с тобой хочу!

— Понимаешь, это — Москва... Впечатления... Я работаю, отпуск еще бог знает когда, что ты будешь все каникулы один торчать.

— Я не один, я с Лайком буду!

— А Лайк — уж такая компания! — усмехнулась мама. — Тебе люди нужны. Человеческие отношения. А то так и будешь всю жизнь один. Надо как-то учиться

коммуницировать, правильно Женя говорит. Все-таки она хороший учитель.

— Я коцу... коццу... коццу...коммуницирую! — говорю. — Вот, с Витей Свешниковым, например.

— Не нравится мне твой Витя, — призналась мама. — Вечно мрачный какой-то. Молчит. Не знаешь, что у него на уме.

— Я знаю! — выпалил я, и осекся: это же тайна! Никому нельзя рассказывать, что Витя скоро сбежит из дома!

— Ну что ты знаешь... — грустно улыбнулась мама.

Уф. Слава богу, не приняла мои слова всерьез. Обычно обидно, когда твои слова всерьез не воспринимают, а тут прямо повезло!

— Надо учиться общаться. Тем более — Москва... Надо использовать любую возможность там зацепиться. Надо дружить с Женей. Кто знает, как повернется, — говорила мама тихо. — Раз пригласила — поезжай!

— Правильно, Верочка! Хватит ему в глуши киснуть! — неожиданно раздался с дивана голос тети Жени.

Мы с мамой вздрогнули от неожиданности. Я покопился на диван.

Но тетя Женя продолжала лежать с закрытыми глазами. И довольно мирно посапывать. Во сне, что ли, разговаривает? Вот ведь школа ее довела...

Но мама на всякий случай спросила тихонько:

— Жень, ты не спишь? Мы разбудили тебя? Извини.

— Да сплю я, — не открывая глаз, успокоила нас тетя Женя. — Это учительская привычка. Мозг до конца не отключается никогда. Даже во сне.

Мы с мамой с недоумением продолжали смотреть на тетю Женю.

— Ну, я — образно... — уточнила она, не открывая глаз.

В общем, на следующий день я попрощался с Лайком (он, конечно, при этом деловито обшлюсывал мне все лицо до ушей)... Попрощался с мамой, она мне помогла сумку собрать — ничего особенного там, все-таки не на год еду, а только на каникулы... Зубная щетка, паста, одежды немного...

И сам я потихоньку положил в боковой карман сумки, свернув, свой рисунок. Портрет прекрасной незнакомки на перроне. Пусть для кого-то это — арбуз с глазами, для кого-то — Колобок... Главное, я точно знаю: это — она. И мне важно, чтобы она была со мной постоянно и везде. Пусть даже человек совсем не умеет рисовать, зато он умеет чувствовать, думал я. И чувство его — сильнее его неумения! Вот так.

Мы сели в машину тети Жени и поехали в Москву. Ее муж-начальник такой богатый, что у него своя машина, а у тети Жени — своя. Круто. Я спросил:

— А сколько ехать?

— А, недолго, — улыбнулась тетя Женя.

Но ехали мы очень долго. И так неблизко было, так еще и пробки постоянные...

И тетя Женя болтала без умолку. Спрашивала меня, хорошо ли учусь («Если помощь нужна, обращайся, не стесняйся, я же учитель все-таки!») и есть ли у меня девочка (я сразу вспомнил девочку на перроне, впрочем, я про нее и не забываю никогда)... И я на все отвечал или «Угу», или «Не-а».

Чаще, конечно, «не-а». Потому что учусь не хорошо, и девочки у меня нет (то есть она есть, но я ее никогда больше не увижу, она — просто мечта, не буду же я о ней тете Жене рассказывать!). И тогда тетя Женя рассказывала про своего сына Леху:

— Целыми днями в своем телефоне! Подружился с соседкой, есть у нас такая девочка, Юлька, и болтает с ней, и болтает... И гулять ходят до ночи. А учебу совсем забросил! Может, ты на него как-то повлияешь?

— Так я тоже плохо учусь, — говорю.

— Но ты хоть серьезный! Ответственный!

Я удивился: почему тетя Женя так решила? Может, потому что я молчаливый? Когда человек молчит — кажется, что он серьезный. А если ему просто нечего сказать? Нет, ну мне-то есть что сказать, просто я стеснительный. Но все равно не сказать, что сильно ответственный... Мне просто пока ни за что особо отвечать не приходилось. Разве что за Лайка. Точнее, за прогулки с ним по утрам, до школы, и по вечерам после школы. Да, я с ним гуляю сам почти всегда. Он такой потешный! И добрый. Мне нравится с ним гулять. Вроде как и делом занят, и думаешь... думаешь... о разном... Смотришь на поезда, летящие туда-сюда, на фонари на станции... Опять же, девочку ту вспоминаешь...

А Лайк бегаёт, бегаёт по грязи, и потом грязными лапами — шлеп тебе на грудь! И ты стоишь грязный тоже и злишься на Лайка, хотя недолго: как можно злиться на такого славного пса?

— О чем задумался, детина? — тетя Женя спрашивает.

Вот же приставучая! Нет, гораздо лучше, когда она гладит по голове ногтями. И молчит.

— Ни о чем, — вру я. — А сколько еще ехать?

— Устал, беденький? — беспокоится тетя Женя.

— Просто вы говорили — недолго, а это было уже давно...

— Ну, я образно, — улыбнулась тетя Женя. — Давно бы уже доехали, если бы не пробки. Вон, опять сейчас встанем.

И мы встали в пробку.

И тетя Женя стала рассказывать мне про Чеснокова. Это, когда она училась с мамой в школе, был

у них в классе местный красавец. И все девчонки за ним бегали. А Чесноков бегал только за мамой. Да, мама твоя (рассказывала тетя Женя) такая красивая была, что однажды на Восьмое марта все мальчишки принесли подарки только ей. Ну, это еще в младших классах было. Когда мальчишки не знали, что подарки надо дарить не только тому, кто нравится, а всем. А то скандал будет.

Так и получилось. Был скандал, и девчонки объявили моей маме бойкот. Хотя она была не виновата, что мальчишки только ей подарили цветы и куклу. И вообще она была тихая как мышка. Вот и я в нее, наверное. Тоже тихий и молчаливый.

Да, девчонки объявили моей маме бойкот, и тогда тетя Женя ее пожалела. И потихоньку стала с моей мамой общаться. Так и подружались.

— Я пошла против коллектива! — гордо сказала тетя Женя. — Это было нелегко... Ну, потом бойкот забылся, до старших классов... А в старших Чесноков вырос в такого красавца... И мама твоя ему понравилась.

— А он ей? — спросил я, чтобы совсем уж не молчать.

— Чесноков не мог не нравиться! — горячо откликнулась тетя Женя. — Вот тут опять все девчонки ее возненавидели. Хотя она, опять же, была не виновата! Человек же не виноват, что он красивый и привлекательный. Ты со мной согласен?

— Угу...

— И даже я на маму обиделась тогда, чуть не поругалась с ней... Очень тяжело, когда мальчик, которого любишь, любит не тебя. И не просто не тебя — а твою лучшую подругу! Но потом школа закончилась. А потом Чесноков

переехал с родителями в другой город, и мы его довольно быстро забыли.

— Угу.

— ...И стали жить-поживать и добра наживать! — закончила тетя Женя. — Вот тебе и «угу»! На самом деле добра-то нажили — это я про себя, а так-то, в целом... — И она вздохнула. — Извини, я тебя не сильно грузжу?

— Не-а, — соврал я.

— Это хорошо... А с Лехой, да, может, подружитесь. Хорошо бы.

Пробка наконец «пробилась», и мы тронулись. Я ехал, смотрел по сторонам на лес и думал: чего я поехал? Куда? Леха какой-то, от рук отбившийся... Юлька-соседка... Муж этот тети-Женин, начальник... Зачем мне это все? Только чтобы Москву посмотреть? Я ее и в интернете посмотреть могу.

Я достал телефон и написал маме:

«Привет. Я еду».

Мама не отвечала — наверное, на работе была занята.

И я вдруг так заскучал — и по ней, и по Лайку, и по своей комнате... И по поездкам на станции... И по Вите Свешникову... Как он там со своей мамой справляется? Может, уже на станции сидит, ждет поезда, чтобы к отцу уехать. Вот так вернусь — а он уже уехал! Даже не попрощаемся...

— А еще был у нас в классе такой Сорокин, — продолжала тетя Женя. — Я с ним стала дружить назло Чеснокову. Думала: пусть видит, что я тоже кому-то нравлюсь! Хотя Чеснокову было все равно, конечно. Он, кроме мамы твоей, никого вокруг не замечал. А этот

Сорокин — ну тоже ничего, симпатичный был, только жадный — ужас! В кафе с ним придешь — заказывает самое дешевое и невкусное. Гуляешь с ним, только скажешь: «Давай мороженое возьмем!» — он аж кривится весь, так денег жалко. Хотя ему родители много давали. Богатые тоже были... Вечно мне богатые попадают!

Тетя Женя что-то совсем разоткровенничалась. Какая-то странная она все-таки учительница. Учительницы обычно строгие, и уж про личную жизнь точно детям не рассказывают. А она прямо... Может, потому что я сын ее подруги? Не чужой человек все-таки. Своим-то ученикам она вряд ли рассказывает про Чеснокова да про Сорокина...

— Вот. И теперь у меня муж — богатый, и квартира хорошая, и всё... Но такой он человек тяжелый... Надеюсь, ты с ним редко будешь видеться. Он на работе днями и ночами. Вот и Леха без отцовского воспитания толком живет. Потому и от рук отбился! А еще был у нас такой в классе — Бабаев... Страшненький такой, у него и кличка была — Бабай...

В общем, пока мы с тетей Женей доехали до Москвы, я уже знал почти про всех ее одноклассников. И это было не очень интересно. Зато мне понравилось, что мама была красавица. Она и сейчас красавица, конечно. Но лишнее подтверждение от свидетеля никогда не помешает!

Мы с тетей Женей вышли из машины, и у меня закружилась голова. Чуть не упал. Видно, от долгого сидения в духоте. Тетя Женя испугалась.

— Ты чего? Ты смотри, я тебя Вере должна вернуть в целостности и сохранности! Посиди, может? Тут лавочка...

Я сел на лавочку, голова действительно сильно кружилась.

Тетя Женя пока писала в телефоне кому-то — наверное, Лехе своему. Что привезла меня и что мы сейчас поднимемся и подружимся...

Голова потихоньку переставала кружиться, я смотрел на высокие деревья у подъезда и на детскую площадку напротив, с качелями-каруселями-горками, и думал: м-да. У нас такого нет, конечно. Это жаль. Зато у нас есть — поезд! И таинственный голос из громкоговорителя. И девочка на станции... Тьфу, опять я про нее думаю! Вот не идет из головы, и все тут!

— О чем опять задумался? Голова прошла? — это тетя Женя очнулась. Давно не разговаривала. Целую минуту. Рекорд прямо.

— Угу.

— Пойдем тогда потихоньку... Леха дома как раз. Даже странно. Обычно, как каникулы, весь день с Юлькой шляется. Видно, нас дождаться решил...

– Леша, сынок! Мы дома! – крикнула куда-то в пространство тетя Женя, когда мы, приехав в лифте на какой-то высокий этаж, вошли в квартиру.

– Угу... – раздалось откуда-то.

– Еще один «угукающий»! – обозлилась тетя Женя. – Выйди хоть поздоровайся с гостем!

– Угу...

– Да оторвись ты от своего телефона! Наговоришь-ся еще!

– Угу...

– Да ты издеваешься, что ли?

– Угу...

– Так, Леша! Считаю до трех! Раз... два... три!

– Угу...

Наконец после десятого «угу» и отчаянных криков тети Жени из дальней комнаты выполз Леха.

Леха как Леха. Ничего особенного.

– Привет, – руку мне протягивает.

– Привет, – говорю. И руку ему пожимаю. Вообще, не люблю я руки пожимать, дурацкая какая-то традиция. Ну, надо так надо...

– Ну, слава богу, сподобился! – говорит тетя Женя. – Знакомьтесь, в общем. Это – Леша, мой сын. Это – Олег, сын Веры, одноклассницы моей... Будьте знакомы!

– Будем, – говорит Леха.

– Я пока ужин приготовлю, а ты, Леш, с Олегом побудь, пообщайтесь! – говорит тетя Женя, и на кухню уходит.

Легко сказать: «пообщайтесь!» А если я не общительный? И Леха, судя по всему, тоже не очень.

Пришли мы к нему в комнату, он в телефон уткнулся, и я тоже. Он там кому-то все пишет, и я тоже маме пишу: «Привет. Я добрался».

Но мама все не отвечает. Работа – дело такое... Ладно, может, вечером ответит.

И вот сидим мы с Лехой, каждый в своем телефоне. И надо бы заговорить. Но никто первый не решается.

Наконец Леха говорит:

– Пошли погуляем. С Юлей познакомлю.

Ну, думаю, хоть так. Гулять легче, чем сидеть в комнате. Когда гуляешь, можно делать вид, что тебя очень интересует природа вокруг, и ты типа ей любишься, и поэтому молчишь.

– Мам, мы погуляем! – крикнул Леха.

– С Юлькой погуляете? – кричит тетя Женя из кухни.

– Ага!

– Ну что ж делать... Гуляйте, только недолго! А то скоро уже приготовлю, остынет...

– Мама Юлю не любит, – говорит мне Леха, пока мы едем в лифте.

– Почему?

— Она говорит, что я не учусь из-за нее. А я не из-за нее. Я просто не учусь. Надоело. А Юля мне, наоборот, помогает. С математикой. Я, правда, все равно ничего не понимаю. Но хоть домашку так-сяк вместе делаем. А у тебя с учебкой как?

— Ну, тоже так...

— А у тебя есть кто?

— В смысле?

— Ну, вот у меня — Юля. А у тебя?

Мы вышли из подъезда и пошли по дорожке, мимо дома, мимо детской площадки. Я думал: рассказать ему или нет? Леха оказался вроде неплохим. Также не сильно разговорчивый. И вроде должен понять... Но мало ли. Решил пока не рассказывать: пока эта девочка на перроне — только моя. А когда хоть кому-нибудь расскажешь — уже не то будет... Ну, мне почему-то так кажется.

И я соврал:

— Не, у меня никого нет.

— Понятно... Ну, ничего... А мама Юлю не любит еще потому, что ревнует.

— Как это?

— Ну, боится, что Юля для меня важнее, чем она. Но это же не так. Разве может быть кто-то важнее, чем мама?

— Не может, — говорю. Вспомнил про Витю Свешникова и говорю: — А у меня друг вот, у него мать злая, орет все время, он даже от нее уехать хочет. К отцу.

— Ну да, это тоже плохо, — соглашается Леха. — Хотя кому-то к отцу, а кому-то от отца сбежать бы...

— Это ты о чем?

— Да о своем, — бурчит Леха.

— Строгий у тебя отец, да?

— Не то слово... А у тебя?

— А у меня нет отца, — говорю.

— Ушел?

— Да нет, умер.

— Ого! — Леха аж остановился. — Извини, я не знал.

— Да ничего, — говорю. — Он давно умер, я еще мелкий был. Такой мелкий, что вообще его не помню. Только на фото и видел.

— Печально, — говорит Леха. — И что, мама себе нового мужа не нашла?

— Да нет, — говорю. — Мы с ней одни. И с Лайком еще.

— С каким Лайком? — удивляется Леха.

— Ну, собаку нашу так зовут. Лайк. Вроде — и лай, и лайк — ну, то есть как это... смайлик.

— Прикольно.

— Ага.

— Сейчас, погоди, — говорит Леха. — Юле позвоню, чтоб спускалась...

Он позвонил, Юля сказала, что уже идет, и, пока мы ее ждали, Леха меня спрашивал:

— А у вас метро большое?

— Где? — не понял я.

— Ну, там, где ты живешь.

— У нас нет метро...

— Как нет?! — Леха аж глаза вытаращил. — Как же вы перемещаетесь?

— Так у нас город маленький, — говорю. — Мы с мамой даже живем прямо рядом со станцией. Поезда туда-сюда прямо под окнами ходят...

— Ого, — удивляется Леха. — Как же вы спите? Шумно же.

— Мы привыкли, — говорю. — Первое время Лайк все просыпался, когда поезд грохотал, а потом и он привык.

— Надо же, — говорит Леха. — Сколько разных городов... Даже без метро бывают.

Я не мог понять: всерьез он это или шутит так? Неужели он не знает, что метро есть далеко не везде? Но спрашивать было неловко. Тем более дверь подъезда распахнулась, и вышла Юля.

— Привет! — сказала она и вопросительно посмотрела на меня.

— Это Олег, — сказал Леха. — Сын маминой подруги. На каникулы к нам приехал.

Юля говорит:

— Понятно. Очень приятно. А я — Юля.

— А я Олег, — говорю.

Юля улыбнулась и говорит:

— Ну пошли?

И мы пошли. Мы шли все дальше и дальше, мимо их высокого дома — я таких высоких домов, кажется, и не видел раньше... Мы шли, и там был потом парк, и еще дальше шли... И потом там была речка. Купаться, конечно, не сезон — все-таки не летние каникулы. Но — так, просто постоять... Посмотреть на воду. На то, как в ней лягушки плещутся.

Мы стояли и смотрели, и не знали, о чем говорить.

Получается, мы все трое были молчуны.

Не очень общительные.

Леха молчал, кидал в воду камешки, смотрел, как от них круги по воде разбегаются... И поглядывал на Юлю.

Юля тоже смотрела на круги.

А я смотрел в телефон. Все ждал, что мама ответит. Но она почему-то даже не открывала еще мои сообщения... Может, что случилось?

И я опять вспомнил маму, с ее больным сердцем, наш дом, Лайка, и поезда туда-сюда, и таинственный голос, и девочку на перроне... И подумал: что я тут делаю? Зачем я тут? Что мне эти люди? Сидел бы сейчас дома, с мамой, пил чай с шоколадным сыром, а Лайк бы ластился и выпрашивал бы сыр, высовывая длинный мокрый язык... И смотрели бы по вечерам с мамой на бабочек вокруг лампы и на поезда, и однажды, может, я снова увидел бы ту девочку. Может, она бы обратно поехала как раз, и поезд бы снова сделал у нас техническую остановку, и она вышла бы на перрон, и тогда я бы точно подошел к ней, не постеснялся... И... А что «и»? Дальше я никак не мог придумать, что бы я сделал.

Не скажешь же: «Ты мне нравишься!» То есть сказать-то можно, но она ж не останется из-за этого. Да и вообще, я-то ей не понравлюсь. С чего бы? Допустим даже, она меня запомнила с того раза. Ну и что?

И я все стоял, смотрел на круги, слушал тихое журчание реки и думал: как это странно в жизни бывает. Живет где-то на другом конце света человек. И знать про тебя не знает, и не помнит даже. А ты про него думаешь и думаешь.

Мне часто такие мысли приходят, особенно когда на поезда смотрю. Думаю тогда: вот едут люди. Я их вижу в окне. Сейчас вижу — а больше не увижу никогда. И они меня тоже видят. И тоже больше никогда не увидят. И как много в мире людей, и все куда-то едут, и все

смотрят друг на друга, и все больше никогда не встретятся. Интересно. И странно. И жутковато почему-то.

— А ты из какого города? — вдруг спросила Юля.

Я так задумался, что даже не сразу понял, о чем она спрашивает.

— Из какого города? — подсказал Леха.

— А-а, — говорю. — Да это у нас как бы даже не город, а такой... Поселок городского типа. Пристанционный, типа того.

— Понятно, — протянула Юля. И нам снова стало не о чем говорить.

Я смотрел на Леху и Юлю. Леха был обычный, Юля — тоже. И я, конечно, тоже самый обычный. Почему мы все такие обычные? Бывают же на свете необычные люди! Например, красивые, как тот Чесноков, мамин одноклассник. Или известные, как какой-нибудь Джонни Депп. Вот как это?

Я все смотрел на них, а они смотрели на круги на воде.

И вдруг я понял, что я им мешаю.

Как-то вдруг почувствовал. Надо было уйти, а как? Я ж дороги назад не знал! И зачем они вообще тогда меня сюда привели, если я мешаю? Что за ерунда, в конце концов! Стало совсем неловко и непонятно.

Я подумал: что я могу сделать? Разве что уйти от них просто подальше. И я ушел. Подошел к реке. Сел на берег. Хотя прохладно было. Но ничего. Главное — не мешаю никому. Сел, смотрел на реку. Думал. А они стояли вдалеке, я иногда на них оборачивался осторожно — они

о чем-то говорили. Ну вот, точно, я им мешал! А теперь говорят. Интересно, о чем? Например, так.

— Вот, навязала мне мама его, какого-то сына подруги, кто он вообще такой? — говорит, наверное, Леха.

— Да, — соглашается Юля. — Еще и странный какой-то... Все молчит и думает, непонятно о чем.

— Ну, там, где он живет, — может, все такие? — размышляет Леха.

Юля улыбается.

— А мама твоя все еще сердится на меня? — спрашивает она, помолчав.

— Да, — с горечью отвечает Леха. — Не понимает, что у нас все серьезно и что мы не маленькие уже, и имеем право на собственную жизнь!

— Только математику все-таки надо бы и правда тебе подтянуть, — говорит Юля.

— Да ну ее! — злится Леха. — Ну для чего мне математика? Что я, математиком хочу стать? Ты же знаешь, кем я хочу быть!

— Знаю, — говорит Юля.

Хм. А кем он хочет быть? Этого-то я не придумал, пока сижу на берегу и смотрю на воду. Надо спросить, что ли... Хотя какое мне дело? Я сам до сих пор не знаю, кем хочу стать. Доучусь как-нибудь уж, а там посмотрим. Все равно на нашей станции никаких учебных заведений толком нет, надо в город ехать учиться... А как я уеду? Даже суток не прошло — а я уже скучаю по дому, по маме, по Лайку, по поездкам...

Снова смотрю в телефон — мама молчит, сообщения не открыты... А может, она... Может, она, когда я уехал,

стала нервничать, стала думать, все ли со мной в порядке — и плохо стало с сердцем? Может, я тут сейчас на речке прохлаждаюсь, а мама там... О, ужас!

Я вскочил на ноги, стал звонить маме, но трубку никто не брал. Мало того — после нескольких гудков вдруг металлический голос сказал: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Да что случилось-то?

Ох, эти таинственные голоса — что на станции, что в телефоне! Откуда их столько?

Я покосился на Леху с Юлей. Черт, они там обнимаются! Ну и вот как подойти? Но я так переживал за маму...

В общем, я аккуратно подошел к ним, кашлянул — типа извините, но вынужден немножко прервать...

Юля отпрянула от Лехи, Леха, хмурясь, покосился на меня. А в чем я виноват?

— Там это... — говорю. — Мама что-то не отвечает. Переживаю.

— Ну, может, занята, — говорит Леха.

— Да, всякое же бывает, — подтверждает Юля. — Все хорошо!

Да где ж все хорошо? А главное — как это точно узнать? Тут Лехе позвонила тетя Женя — сказала, что все стынет и что идите уже домой наконец.

— Угу, — привычно сказал Леха. — Олег еще переживает, что мама его не отвечает. Что делать?

— Разберемся! — крикнула в трубку тетя Женя так, что даже я услышал. — Жду!

И мы пошли обратно. Опять через парк, обратно через деревья, где так красиво все... И так мне тревожно! Хоть бы, хоть бы все было хорошо! Мало ли, может, мама просто телефон дома забыла... Но по времени она уже должна была прийти с работы! Скорей бы она объявилась, скорей бы... Ведь если с ней что — как я? Как Лайк? Кто его, например, выведет сегодня вечером? Тьфу, что ж за голова такая дурацкая: как начнешь думать — и не оставишь, и накручиваешь себя, накручиваешь...

Мы уже подходили к дому, когда на мой телефон позвонили с незнакомого номера.

Вообще-то на незнакомые номера я стараюсь не отвечать: столько мошенников! Но тут — мало ли?

И это была мама! Живая!!

Она очень быстро говорила — волновалась, конечно.

— Сыночек, у меня телефон украли! Ты представляешь? На секунду в магазине отвлеклась — а уже нет его! Сперва думала — может, выронила? Весь магазин обежала — нет! Вытащили! Я сейчас с Аниного телефона звоню, она одолжила... В общем, если что, звони и пиши на ее номер пока, она мне будет передавать, пока новый не куплю... Вот ведь, не одно, так другое!

— А ты в полицию заявила? — спрашиваю.

— Да что эта полиция найдет! Только замучают. Ладно уж... Бог судья ворам...

— Ты тогда, как купишь новый, сразу мне позвони, чтоб я новый твой номер знал... И не переживай...

— Стараюсь, Олежка, но как не переживать-то? Я как увидела, что телефона нет, — руки-ноги подкосились... А как поняла, что и правда украли, так чуть с ума не сошла... Сволочи! Чтоб им... Ну, в смысле Бог судья, я говорю... Но какие же сволочи!

— Мам, ты успокойся... Сердце как?

— Болит, сынок, сам понимаешь, от таких дел...

- Ты вышей лекарство да ложись.
- Ты-то там как? Как добрался? Как встретили?
- Все хорошо, – говорю.

Лучше б я и правда дома остался. Может, мама из-за меня и телефон проворонила. Переживала, как я тут, вот и зазевалась... Эх.

- Все нормально? – спросил Леха.
- Да у мамы телефон украли, – говорю.
- Ого! – говорит Леха. – И как она теперь?
- Новый будет покупать, – отвечаю. – Что ж сделаешь...
- А в полицию она обратилась? – спрашивает Юля.
- Да что эта полиция найдет, – говорю. – Только замучают. Ладно. Бог им судья.

И Юля как-то странно на меня посмотрела. То ли с интересом, то ли с уважением. Может, ей про Бога понравилось, как я сказал. Но я только мамины слова повторил. Она часто так говорит про плохих людей: Бог им судья. Не то чтобы она в Бога верила, но просто это такая успокоительная фраза. Чтоб не злиться. Потому что что хорошего, когда злишься? Потому и Бог им судья. Пусть, мол, Бог с ними разбирается. Неважно, есть он или нет.

Потом мы сидели все за столом, ужинали, было очень вкусно, котлеты с пюре и соленым огурцом. А главное – без лука! Я лук ненавижу, если честно, а его, как назло, постоянно во все блюда добавляют. Но тетя Женя сказала:

- Специально для гостя – без лука: меня Вера предупредила, что ты не ешь. Как она там, бедная, оклемалась?
- Да вроде, – говорю. – Завтра новый телефон купит, что ж делать...

– Вот сволочи! – воскликнула тетя Женя. – Я своим-то детям в школе потому и говорю: оставляйте дома ваши телефоны! Ведь сопрут же! И прут периодически, или теряют... А потом – слезы и разборки с родителями... Как будто учитель виноват! У меня их тридцать человек – что, за каждым смотреть, чтоб телефон не сперли?

– А почему ты лук не ешь? – вдруг тихо спросила Юля.

– Да так, – говорю. – Никогда не мог есть почему-то. И лук, и капусту, и вообще все такое...

– Какое?

– Ну, такое...

– А лук вообще никакой не ешь? Даже зеленый? – все продолжала спрашивать Юля.

– Ну, зеленый еще, может, могу, но тоже с трудом, – говорю.

– А капусту? Даже цветную не можешь?

– Ага. Даже цветную...

Юля смотрела на меня опять как-то странно – с интересом и опять же с уважением почему-то. Хотя за что уважать? За то, что я лук и капусту не ем? Пожалеть еще можно, а так... Или это она с жалостью смотрела? Да, пожалуй, с жалостью. Просто у нее взгляд такой, не совсем понятный.

Вообще ничего она. Симпатичная. И глаза очень голубые. Когда близко сидела, я ее рассмотрел. Ну, не специально пялился, конечно. Просто так получилось. Ничего такая, в общем-то, я Леху понимаю. Только она

ведь такая тихая и скромная — и чего тетя Женя на нее злится?

— Юль, как учеба? — спросила тетя Женя. И видно было, что не просто спросила, а с подвохом.

— Ну так... — Юля потупилась, опустила голубые глаза в тарелку.

— Ну «как»? — насмешливо уточнила тетя Женя.

— Мам, да что ты ее пытаешь! — сказал Леха. — И вообще, учеба — это не главное, ну сколько можно! Ты учитель, поэтому для тебя главное! А на самом деле много другого в жизни, поважнее!

Юля с благодарностью покосилась на Леху.

— Что важнее? Например? — взвилась тетя Женя. — Да, учеба — это главное! Потому что, если плохо учишься в школе, никуда не поступишь! Или поступишь, но бог знает куда! И загремишь в армию! И я тогда с ума сойду! Особенно в наше время!

— Не загремлю... — пробормотал Леха.

— Это чего это не загремишь? — удивилась тетя Женя. — Все загремят, а ты — нет?

— А то ты не знаешь! — огрызнулся Леха. — Папа...

— Ну да, «папа»! — передразнила тетя Женя. — «Папа может, папа может все, что угодно»... А вот уволят его не сегодня завтра, и что тогда?

— Почему уволят? — спросил Леха.

— Потому что сейчас все может быть! — раздраженно объяснила тетя Женя. — Даже я в школе как на пороховой бочке! Это взрослые проблемы, не знаешь — не говори... Лучше учись!

— Да я учусь, — протянул Леха. — Мне Юля и по математике помогает.

— Так Юля сама же через пень-колоду учится! Как же она помогает? — взвилась тетя Женя.

— Ну, мы вместе разбираемся... Она немножко понимает... иногда...

Юля совсем утонула голубыми глазами в тарелке. Я покосился на нее. По щеке Юли текла большая слеза. Мне стало очень неловко от всей этой ситуации. Скорей бы доесть и уйти... В который раз пожалел, что приехал!

— Вот Олег, например, — не унималась тетя Женя. — Олег учится неплохо!

— Я?! — поразился я.

— Ну, конечно, не без проблем. Чем ближе к выпускному классу, тем сложнее, я-то знаю... Но — старается же!

— Я?! — еще больше изумился я.

— Ну да!

Надо же. Ведь тетя Женя прекрасно знает, что я плохо учусь, и мама ей говорила, и я... Зачем она обманывает? Леха и Юля и так настороженно ко мне относятся, хотя Юля вроде заинтересовалась мной немножко почему-то, но все равно... А теперь они меня возненавидят. За то, что меня в пример ставят. Когда кого-то в пример ставят — это всегда отвратительно.

Это как мне мама говорит иногда:

— А вот Витя Свешников, между прочим, постоянно пятерки приносит! Не то что некоторые.

— Так на Витю мама постоянно ругается, попробовал бы он не приносить...

— Ну да! А я не ругаюсь, мне можно и двойки! — сразу обижается тогда мама. — Избаловала я тебя, вот что! Да, был бы жив отец... — И сразу плакать начинает.

А я прямо не могу, когда мама плачет! Вообще когда плачут, не могу! Аж всего корежит... И вот Юля сейчас плакала, и меня тоже всего корежило прямо, и от этого еще больше хотелось поскорей сбежать из-за стола. Но с другой стороны, хотелось ее как-то пожалеть. Чтобы она успокоилась. Захотелось почему-то по голове ее погладить. У нее волосы такие тонкие, белые. И я подумал — ей было бы приятно, если бы я ее погладил, как меня тетя Женя гладила — немного ногтями царапая... И Юля бы тогда сразу успокоилась, наверное. От удивления, по крайней мере.

Но не мог же я! Тем более при Лехе. И вообще, что мне какая-то Юля, когда у меня есть та девочка на перроне? Что они мне все?! И зачем тетя Женя врет, что я хорошо учусь? Что это за тактика такая странная? Она думает, что Леха от этого тоже захочет хорошо учиться? А я думаю — он из вредности начнет учиться еще хуже! Он вообще упрямый, я же вижу.

— В общем, я вам так скажу, молодые люди: сперва — учиться, потом — жениться! — подытожила тетя Женя.

Я покосился на Юлю. Она сидела вся красная, с мокрым от слез лицом. Мне показалось, еще секунда — я не выдержу, вскочу и что-нибудь нехорошее скажу тете Жене. Ненавижу, когда вот так издеваются! Вообще ненавижу, когда издеваются, и так — тоже! Она же учитель, неужели она не понимает, что делает? Как же тогда ее ученики бедные? Она тоже их там позорит друг перед другом?

И я уже почти вскочил, но Леха меня опередил. Он резко поднялся и резко сказал:

— Спасибо! Было вкусно! Пошли, Юль.

Красная Юля встала из-за стола, и на красном лице еще виднее были голубые глаза.

Леха взял Юлю за руку, и они ушли.

— Ты-то хоть останься, — пробормотала мне тетя Женя. — Видишь, как оно... Как он с матерью... А все почему? Юлька мозги пудрит! Женить его на себе хочет, потому что — деньги! Думает, мы богатые... Ну да, не бедные... Но не настолько! Игорь, муж, и правда ведь сегодня начальник, завтра — неизвестно кто... Все сейчас так непонятно... Так это все... — И тетя Женя в расстройстве швырнула ложку, ложка звякнула о тарелку.

Я доел, но выходить из-за стола теперь было неудобно, все-таки я — гость... Раз попросили остаться — придется... Но я молил Бога, чтоб кто-нибудь тете Жене позвонил, или пришел — и я б под этим предлогом мог сбежать подалее... Хотя бы в комнату Лехи.

И Бог меня услышал. В дверь резко застучали. Мы с тетей Женей подпрыгнули от неожиданности. Она вскочила и побежала открывать.

Литературно-художественное издание

*В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 12+*

Сиротин Дмитрий
Ты просто выйди

Корректор Ольга Левина
Дизайнер-верстальщик Николай Кормер
Дизайн обложки: Анна Теняева
Литературный редактор Сергей Петров
Главный редактор Ксения Коваленко
Генеральный директор Татьяна Кормер

ООО «Издательство Альбус корвус»
albuscorvus.ru, readers@albuscorvus.ru
Магазин: albuscorvus.shop

Подписано в печать XXX

Формат 60×90/16

Тираж 2000 экз.

Заказ № XXX